

Научная статья

УДК 316.45

doi: 10.17223/1998863X/83/14

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА СИБИРИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЗАИМОСВЯЗИ

Елена Анатольевна Кранзеева¹, Анна Леонидовна Бурмакина²,
Яна Александровна Брандт³

^{1, 2, 3} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ elkranzeeva@mail.ru

² anna-sidjakina@rambler.ru

³ yan.brand@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири, являющиеся пространством сетевого взаимодействия между основными акторами региональной коммуникации. По результатам анализа сетевых сообществ на двух исследовательских этапах (2023 г., $N = 458$; 2024 г., $N = 1\,174$) показана топологическая структура сети. Выявлена многослойность структуры сетевых акторов, принимающих участие в социально-политическом взаимодействии, отмечены перспективы изучения региональных сообществ.

Ключевые слова: сетевые сообщества, регионы ресурсного типа, Сибирский макрорегион, социально-политическая мобилизация

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Актеры социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Кранзеева Е.А., Бурмакина А.Л., Брандт Я.А. Сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири: характеристика и взаимосвязи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 140–154. doi: 10.17223/1998863X/83/14

Original article

NETWORK COMMUNITIES OF RESOURCE-TYPE REGIONS OF SIBERIA: CHARACTERISTICS AND RELATIONSHIPS

Elena A. Kranzeeva¹, Anna L. Burmakina², Yana A. Brandt³

^{1, 2, 3} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ elkranzeeva@mail.ru

² anna-sidjakina@rambler.ru

³ yan.brand@mail.ru

Abstract. The article examines network communities of resource-type regions of Siberia, which are a space for network interaction between the main actors of regional communication. Research interest in communities of resource-type regions is due to a number of circumstances. Firstly, the territory's spatial extent and low population density,

difficult transport accessibility reduce the number of direct communications, which can be compensated for by virtual network communication. Secondly, in the presence of rich suitable resources, there are disproportions of social resources in resource-type regions, thereby actualizing the study of social groups – holders of the agenda of territories' social development. Thirdly, the quasi-publicity of socio-political interaction in these regions provokes an exceptional opportunity for the population to express their opinions in social networks. The aim of this article is to analyze network communities of resource-type regions of Siberia. The article uses data obtained by the authors during two research stages. At the first stage in 2023, we analyzed the online communities of the social network VKontakte for each resource-type region of Siberia ($N = 458$), selected according to the criteria of mentioning the region, territory in the name of the community, as well as the potential for discussing social and political problems of residents of the regions. At the second stage, the research base was expanded to 1174 unique online communities in the social network VKontakte, while maintaining the affiliation of the communities to the resource-type regions of Siberia, but specifying the thematic connection with each group of regional actors and the potential ability of these groups to discuss their problems in the sought communities. The data obtained made it possible to build a topology of online communities of the resource-type regions of Siberia, to show the multi-layered structure of its network actors (obvious and “non-obvious”) participating in socio-political interaction. The most developed at this stage in regional network interaction are communities of state and regional authorities, which mainly perform an information function, but are not “core” in network interaction. The study of gender, national, youth and other regional network communities, as well as further in-depth analysis of the topological structure of network socio-political communication, and the search for opportunities for its development are promising.

Keywords: network communities, resource-type regions, Siberian macroregion, socio-political mobilization

Acknowledgments: The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FZSR-2024-0017.

For citation: Kranzeeva, E.A. Burmakina, A.L. & Brandt, Ya.A. (2025) Network communities of resource-type regions of Siberia: characteristics and relationships. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 140–154. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/14

Введение

Региональные социальные и политические процессы обретают все большую значимость и интерес для исследователей. Социально-политические отношения на региональном уровне зависимы от информационных потоков и каналов их распространения, которые все чаще стали обретать сетевое, цифровое воплощение. В региональных сообществах присутствуют устойчивые социальные и политические отношения, специфической чертой которых на региональном уровне выступает использование институтов и органов власти для реализации интересов участников взаимодействия. С развитием цифровых технологий появились новые формы взаимодействия, в которых участники могут более оперативно обмениваться информацией. В свою очередь это усиливает глобальную тенденцию к сетевизации общественных процессов, повышению роли виртуального социального пространства как коммуникативной среды, в рамках которой граждане оказываются включены в несколько (иногда в десятки) виртуальных сообществ в качестве как рядовых участников, так и активных пользователей, способных формировать правила взаимодействия. Обсуждение в сети порой дает возможность быстро реагировать на возникающую на территории напряженную ситуацию, мобилизовать возможности жителей региона предлагать представителям власти тот

или иной желаемый вариант решения вопроса через создание петиций, сбор подписей и организации протестов. Региональные проблемы перестают замалчиваться, становятся известными, а следовательно, имеют больше возможностей для решения. В то же время через комментарии и характер коммуникативного контента возможно понять настроение и мнение жителей по тому или иному вопросу, вовремя среагировать на напряженность и не допустить развития социального конфликта. Социальные сети становятся площадкой для оценки деятельности органов региональной власти, в том числе и во взаимодействии с населением. Таким образом сетевые сообщества могут служить своеобразным «зеркалом» региональных социально-политических взаимодействий власти и населения.

Особый исследовательский интерес для нас представляют сообщества регионов ресурсного типа Сибири. Это определяется рядом обстоятельств. Во-первых, пространственная протяженность территории и низкая плотность населения, затрудненная транспортная доступность снижают число непосредственных коммуникаций, что может компенсироваться виртуальной сетевой коммуникацией. В данном случае изучение региональных сетевых взаимодействий позволит представить содержание и характер социально-политических взаимодействий в отдаленных территориях.

Во-вторых, в регионах ресурсного типа преобладающими в экономике являются природные ресурсы (уголь, нефть, газ, лес и пр.), их добыча и переработка. Однако мы наблюдаем в этих регионах диспропорции социальных ресурсов, в частности, отток населения (особенно в трудоспособном возрасте), снижение качества человеческого капитала. Это актуализирует необходимость изучить социальные группы, которые являются держателями повестки социального развития территорий.

В-третьих, регионы ресурсного типа обладают специфическим характером социально-политического взаимодействия: определяющим в принятии решений относительно развития территорий являются компании – держатели ресурсов и региональная власть, мнение населения во внимание не принимается, формируется социально-политическое взаимодействие, которое мы называем квазипубличным [1]. В таких обстоятельствах население может выражать свой «голос» именно в социальных сетях.

С учетом вышесказанного цель данной статьи – проанализировать сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири и выявить ключевые характеристики и взаимосвязи акторов региональной коммуникации.

Материалы и методы

Активное развитие сетевых сообществ началось в 1990-х гг., что было обусловлено расширением доступа к интернету и прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий. Существенный импульс к распространению онлайн-сообществ был дан появлением концепции Web 2.0 и социальных сетей в середине 2000-х гг. Современные платформы социальных сетей обеспечивают пользователям оперативный доступ к другим пользователям, упрощают коммуникацию.

Актуальность исследования сетевых сообществ подтверждается вниманием отечественных и зарубежных исследований к данной проблематике в области как социологии, так и смежных дисциплин. В зарубежной прак-

тике актуальны изучение онлайн-сообществ, поиск взаимосвязей между уровнем их активности и размером [2], анализ возможностей накопления социального капитала через сети [3], исследования многослойности сетевых структур [4].

В отечественной науке исследователи делают акцент на сетевых методах анализа активности и поведения пользователей в социальных сетях [5–7]. Большой пласт работ посвящен изучению дискурса и сетевых структур различных тематических сообществ, действующих в социальной сети «ВКонтакте» [8–10]. Ряд авторов рассматривают вопросы социальной организации сетей и складывающейся внутри них коммуникации [11–16].

Современные платформы социальных сетей значительно отличаются от своих ранних версий благодаря использованию усовершенствованных интерфейсов и алгоритмов искусственного интеллекта. Эти технологические изменения могут оказывать влияние на поведение участников сетевых сообществ. Внедрение алгоритмов машинного обучения и персонализированного контента позволяет платформам анализировать предпочтения пользователей, предлагать им релевантную информацию. Что в свою очередь может способствовать быстрой организации участников вокруг актуальных тем, создавая условия для оперативного распространения информации и координации действий. При этом алгоритмы способствуют автоматизации взаимодействий, упрощая организацию сообществ, но одновременно создавая риск распространения дезинформации.

Сетевые сообщества различаются по размеру, уровню сплоченности, структуре сетевых взаимодействий и тематической направленности. Важной особенностью таких сообществ является различная степень анонимности участников. Структура сетевых сообществ, как правило, социально неоднородна и включает представителей различных социальных слоев, возрастных групп, этнических общностей. Объединяющим фактором выступают общие интересы и ценностные ориентиры участников.

Примером может служить социальная сеть «ВКонтакте», где представлено множество региональных сообществ с устойчивой историей развития и значительным количеством постоянных участников. С одной стороны, сетевые сообщества функционируют как элементы информационно-коммуникационных систем. С другой стороны, сетевые сообщества представляют собой сложные социальные образования, обладающие специфическими социальными характеристиками и качествами, что позволяет рассматривать их в социологическом контексте. Привлекательность сетевых сообществ как коммуникативной среды формируется за счет простоты создания и поддержания связей, отсутствия пространственных и временных барьеров, динамичности и мобильности участников, реактивности обмена информацией (быстрое распространение и мгновенный отклик), эффективной мобилизации целевой аудитории [17]. Социальность подчеркивается и тем, что в рамках таких сообществ в социальных сетях наблюдается четкая дифференциация ролей: пользователи могут выступать в качестве модераторов или подписчиков, занимать позиции активных участников дискуссий либо оставаться пассивными наблюдателями. Таким образом, существенной характеристикой сетевых сообществ становится наличие в ней акторов взаимодействия и формируемых ими взаимосвязей, которые и образуют сетевую структуру.

Региональные модели коммуникации сетевых сообществ возможно описать с использованием современных цифровых инструментов, которые способны отразить социально-политические процессы, происходящие на обширных сибирских территориях (в реальных практиках и онлайн-сообществах).

Исследовательской базой настоящего исследования послужили отобранные нами в 2023 г. пользовательские сообщества в социальной сети «ВКонтакте» для каждого региона ресурсного типа Сибири. Ключевым критерием являлись упоминание региона, территории в названии сообщества. Сообщества были отобраны вручную, используя поисковую строку «ВКонтакте», по количеству подписчиков (не менее 100) и наличию свежих постов (последнее сообщение в группе датировано не позднее марта 2023 г.), а также присутствию в названии группы принадлежности к регионам ресурсного типа Сибири. Таким образом, в выборку попало 458 сообществ: Ханты-Мансийский автономный округ – 104, Ямало-Ненецкий автономный округ – 54, Кемеровская область – Кузбасс – 78, Томская область – 19, Иркутская область – 13, Тюменская область – 46, Красноярский край – 46, Республика Хакасия – 42, Республика Тыва – 56.

Инструментом для визуализации коммуникативных взаимосвязей сетевых сообществ регионов ресурсного типа является программное обеспечение Gephi 0.9.7, позволяющее построить графы, характеризующие сетевые социальные и политические взаимодействия в виртуальном пространстве. Ключевыми компонентами социального графа, описывающими отношения между социальными акторами как потенциал социальной и политической коммуникации, являются узлы (набор объектов, позиций или акторов) и ребра/связи (набор отношений между данными объектами). В нашем исследовании узлами являются сообщества пользователей, ребрами – факт наличия общих подписчиков у сообществ. Толщина ребра обозначает количество общих подписчиков у сообществ. Для построения узлов и ребер графа нами были выгружены (метод выгрузки – VK API): id, название сообществ, количество подписчиков и их id.

В 2024 г. мы расширили исследовательскую базу, отобрав 1 174 уникальных сетевых сообществ в социальной сети «ВКонтакте»: Ханты-Мансийский автономный округ – 114, Ямало-Ненецкий автономный округ – 103, Кемеровская область–Кузбасс – 213, Томская область – 138, Иркутская область – 132, Тюменская область – 151, Красноярский край – 142, Республика Хакасия – 60, Республика Тыва – 121. Фокус исследования в этом случае сохранился относительно принадлежности сообществ к регионам ресурсного типа Сибири, но был уточнен за счет тематической связанности с каждой группой региональных акторов и потенциальной возможностью данных групп представлять и отстаивать свои интересы, обсуждать свои проблемы в искомым сообществах.

Результаты и обсуждение

Результаты исследовательского этапа 2023 г. позволили построить топологию сети сетевых сообществ в регионах ресурсного типа Сибири. В общем понимании топология может быть представлена в качестве описания сетевой конфигурации, связей между акторами и их положения либо как вариант визуального представления данной схемы в виде условной пространственной

карты. Важно учитывать, что структуры в сети могут пересекаться между собой в пространстве, т.е. его можно рассматривать как способ организации связей и взаимодействия акторов друг с другом. Объект существует во множественной пространственности: пространстве регионов, сетей и потоков. При этом можно выделить границы объекта в каждом из множества пространств, в которых он находится [18]. В качестве иллюстративного примера приведем топологию сети сообществ Кемеровской области – Кузбасса (рис. 1).

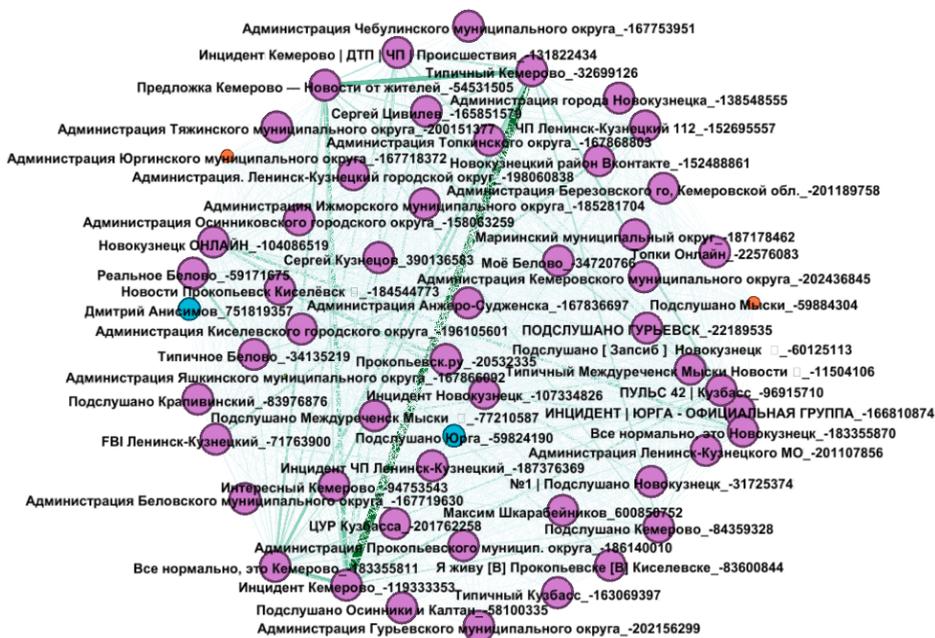

Рис. 1. Граф сообществ Кемеровской области – Кузбасса

Кемеровская область представлена топологической сетью с довольно плотными связями между сообществами (см. рис. 1), определяя данный регион как один из лидирующих по качеству сетевой коммуникации среди других регионов ресурсного типа Сибири. В число типов акторов здесь можно отнести местные сообщества пользователей – граждан муниципалитетов, а также органы власти (встречающиеся и персонализированные акторы, например, в лице главы г. Кемерово). Связи наблюдаются между всеми анализируемыми узлами, что говорит о высокой степени включенности жителей через онлайн-сообщества в региональное социально-политическое взаимодействие. Однако наиболее толстые ребра демонстрируют основной «квартет» сообществ в регионе, на которые подписаны региональные пользователи: «Инцидент Кемерово», «Типичный Кемерово», «Предложка Кемерово-Новости от жителей», «Все нормально, это Кемерово». Чаше остальных муниципалитетов в коммуникации представлены Кемерово и Новокузнецк. При этом нужно отметить, что граф демонстрирует примерно равное количество подписчиков в сообществах.

Примерами слабо выстроенной сетевой коммуникации и топологической структуры со слабыми связями между сообществами среди регионов ресурсного типа Сибири являются Иркутская (рис. 2) и Томская (рис. 3) области.

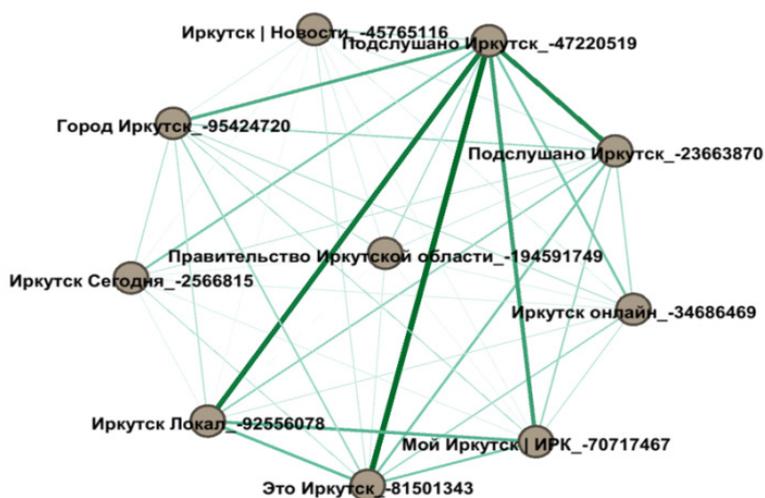

Рис. 2. Граф сообществ Иркутской области

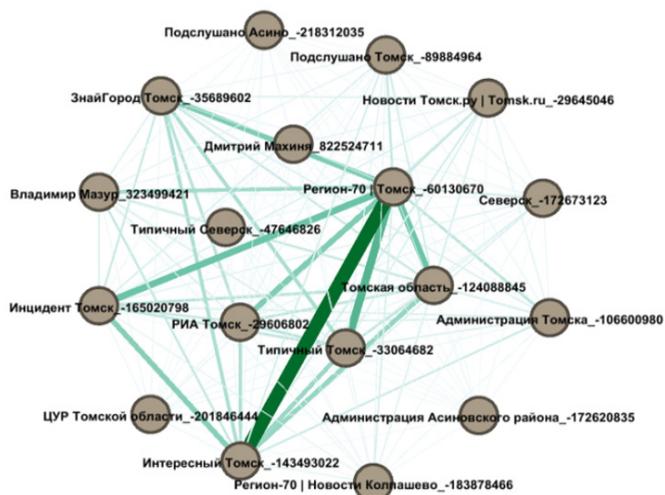

Рис. 3. Граф сообществ Томской области

Исследовательская база сообществ, полученная нами в 2024 г., позволила описать сообщества в регионах ресурсного типа Сибири и произвести их группировку по количеству участников, времени существования сообществ и акторной насыщенности.

Мы отмечаем, что плотность территории и ее урбанизированность отражаются на структуре сетевой коммуникации. Так как регионы ресурсного типа Сибири неоднородны, дифференцированы по численности населения, его плотности и уровню урбанизированности (табл. 1), для группировки по количеству подписчиков имеет смысл разделить регионы на подгруппы в соответствии с обозначенными критериями.

Наибольшая численность населения зафиксирована в Красноярском крае (2 846 120 человек) и Кемеровской области (2 547 684 человека), что делает их крупнейшими регионами по этому показателю. Кемеровскую область мы

относим к первой подгруппе, так как она сочетает максимальную плотность населения (26,61 человека/км²), что объясняется индустриальной развитостью региона, и высокую урбанизированность (количество городов в регионе). Для представителя данной подгруппы малыми мы будем считать сообщества, имеющие менее 1 500 подписчиков, средними – от 1 501 до 10 000 подписчиков, крупными – более 10 001 подписчика.

Таблица 1. Показатели численности населения, его плотности и уровня урбанизированности регионов ресурсного типа Сибири

Показатель	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
Количество населения, человек	515 960	1 759 386	1 608 500	2 547 684	2 330 537	1 043 385	2 846 120	528 175	337 544
Плотность, человек/км ²	0,67	3,29	2,66	26,61	3,01	3,32	1,2	8,58	2
Урбанизация	6	13	5	20	10	4	17	5	2

Примечание. Здесь и далее использованы следующие сокращения для названия регионов: ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ, ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ, ТюмО – Тюменская область, КО – Кемеровская область, ИО – Иркутская область, ТомО – Томская область, КК – Красноярский край, РХ – Республика Хакасия, РТ – Республика Тыва.

Вторая подгруппа регионов характеризуется средними для Сибири показателями по численности, плотности населения и уровню урбанизированности (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Иркутская область, Томская область, Республика Хакасия) или сочетанием высокой численности населения и низких показателей плотности населения и урбанизированности (Красноярский край). Для представителей данной подгруппы малыми мы будем считать сообщества, имеющие менее 1 000 подписчиков, средними – от 1 001 до 5 000 подписчиков, крупными – более 5 001 подписчика.

Минимальная плотность отмечена в ЯНАО (0,67 человека/км²), что связано с его географическими и климатическими особенностями (северная и труднодоступная территория), также в данном регионе отмечены низкая численность населения и уровень урбанизации. Республика Тыва демонстрирует низкие показатели как по численности, так и по урбанизации, отражая сельскохозяйственную специфику и меньшую степень индустриализации. Данные регионы мы относим к третьей подгруппе, для которых мы будем считать малыми сообщества, имеющие менее 500 подписчиков, средними – от 501 до 3 000 подписчиков, крупными – более 3 001 подписчика.

Таким образом, по итогам группировки сообществ, мы получили малых – 402 сообщества, средних – 342 сообщества, крупных – 430 сообществ (табл. 2). Наибольшее количество малых сообществ в Кемеровской области (83) и Томской области (72), что может свидетельствовать о развитой локальной сетевой активности. Крупные сообщества (430): высокие показатели в Тюменской области (74), Красноярском крае (59), а также Тыве (81). Это может отражать активную роль крупных платформ в этих регионах.

Таблица 2. Количественные показатели малых, средних и крупных сообществ в регионах ресурсного типа Сибири

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
Малые	30	51	41	83	43	72	39	22	21
Средние	31	40	38	69	45	40	45	14	20
Крупные	43	24	74	52	45	27	59	25	81

По времени существования мы различаем «молодые» сообщества, средние и «старожилов сети». К молодым сообществам мы относим те, которые функционируют в сети 1–2 года, т.е. период их регистрации 2023–2024 гг. Таких сообществ в регионах ресурсного типа Сибири – 155. К средним относим тех, которые действуют 3–5 лет, т.е. начиная с 2019 г. Их – 256. Наибольшую представленность имеют «старожилов сети» (616 сообществ), осуществляющие свою деятельность более 5 лет и образованные ранее 2019 г.¹ (табл. 3).

Таблица 3. Количественные показатели сообществ в регионах ресурсного типа Сибири по времени существования

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
«Молодые»	16	30	17	22	17	19	18	8	8
Средние	29	20	32	37	40	31	28	18	21
«Старожилов сети»	50	55	89	116	55	66	78	31	76

Самое большое число молодых сообществ в ХМАО (30) и Кемеровской области (22), что может говорить о недавнем росте новых инициатив. Средние (256): лидируют Иркутская область (40) и Кемеровская область (37), демонстрируя стабильное развитие сообществ в последние годы. Меньше всего в Хакасии (18). «Старожилов сети» (616): наибольшее количество в Кемеровской области (116) и Красноярском крае (78), а также Тыве (76). Это свидетельствует о долгосрочной стабильности и традиционно сильной сети в этих регионах. Кемеровская область занимает лидирующие позиции по числу сообществ как по размеру, так и по возрасту, что подчеркивает ее развитую сетевую структуру и высокую социальную активность. Хакасия и Тыва, напротив, демонстрируют низкие показатели, что может указывать на меньшую вовлеченность населения в онлайн-инициативы и ограниченный потенциал сетевой активности.

Топология сети сообществ в обозначенных регионах представлена малым количеством ключевых участников, наибольшую представленность из которых имеют аккаунты городских и региональных сообществ, так называемых франшизных групп («Подслушано Иркутск», «Подслушано Томск», «Типичный Северск», «Типичный Томск»), а также аккаунты органов региональной власти и персональные страницы губернатора и мэра («Правительство Иркутской области», «Владимир Мазур», «Дмитрий Махиня»). При этом наибольшую силу связи имеют аккаунты городских сообществ в Иркутской области («Подслушано Иркутск», «Иркутск Локал», «Это Иркутск»), городского и региональных сообществ в Томской области («Интересный Томск», «Регион 70 Томск», «Типичный Томск»).

Акторная насыщенность в регионах ресурсного типа Сибири имеет многослойную структуру, включая как очевидных, так и неочевидных акторов. Активность последних проявляется в различных формах, включая сетевые платформы, сообщества и офлайн-инициативы.

В первую очередь, к актерам мы относим органы государственной и региональной власти, которые на сегодняшний день обязаны иметь аккаунты в

¹ Часть сообществ являются закрытыми страницами, и, соответственно, информация о дате их создания также является скрытой.

социальных сетях. Законодательная основа данной практики закреплена в Федеральном законе от 14.07.2022 № 270-ФЗ. Данный закон обязывает государственные органы, органы местного самоуправления и подведомственные организации размещать информацию на своих официальных страницах, а также обеспечивать доступ к информации, взаимодействуя с пользователями через инфраструктуру, поддерживающую электронное предоставление государственных и муниципальных услуг [19].

Сетевая представленность органов власти выполняет две основные функции:

- установление прямого взаимодействия с населением для сбора, анализа и обработки актуальных вопросов региональной повестки;
- распространение информации о деятельности государственных структур, включая ответы на поступающие обращения.

Органы власти являются значимыми и узнаваемыми участниками процессов социально-политического взаимодействия, вступая в официальную коммуникацию с населением по вопросам решения региональных и местных проблем. По итогам исследовательского этапа 2024 г. в общей выборке сообществ нами были отобраны официальные аккаунты органов государственной и региональной власти (176 сообществ), а также персональные страницы лидеров региональной и местной власти: губернаторов, глав муниципалитетов (135 аккаунтов) (табл. 4).

Таблица 4. Количество официальных аккаунтов органов власти и сетевых сообществ в регионах ресурсного типа Сибири

Официальные аккаунты	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ	Итого
Персональные страницы региональных лидеров	9	6	15	27	20	22	19	4	13	135
Официальные госпаблики	18	16	13	36	30	28	14	12	9	176

Наибольшую представленность официальные госпаблики имеют в Кемеровской области (27 и 36), что еще раз подчеркивает развитость сетевой структуры в данном регионе, перспективность и широкие возможности для налаживания быстрой коммуникации между органами власти и населением. Слабыми в этом отношении выглядят республики Хакасия и Тыва, где процессы сетевой коммуникации между властью и населением нуждаются в укреплении и наращивании.

В качестве акторов могут выступать и репрезентанты – держатели ресурсов и доверенные лица, представляющие интересы различных социальных групп. К ним относятся лидеры политических партий, профсоюзов, лоббисты и эксперты, чья деятельность способствует координации и объективизации запросов граждан, формированию коллективных стратегий по решению региональных проблем. Взаимодействие между репрезентантами и населением позволяет наполнять социально-политическое пространство содержанием, привлекать население к принятию решений и обеспечивать включенность различных групп в процессы развития территорий.

Наряду с органами власти и репрезентантами, акторами социально-политического взаимодействия может выступать и население в виде различных социальных групп и сообществ. Если органы власти занимают формально закрепленные роли, то население может действовать как организо-

ванно, так и спонтанно, а также оставаться спонтанным участником в зависимости от ситуации. Исследовательский интерес представляют, прежде всего, так называемые неочевидные акторы – социальные группы, которые не претендуют на субъектные (активные) роли. К числу таких акторов можно отнести женские группы, молодежные сообщества, участников СВО и национальные (этнические) группы. В исследовании 2023 г. при построении топологии сети региональных сообществ нами были выявлены в качестве узловых именно эти группы, поэтому в 2024 г. мы сосредоточили свой исследовательский интерес на них.

Таким образом, на этапе 2024 г. были вручную отобраны сообщества, которые связаны с гендерной ($n = 195$), молодежной ($n = 176$), патриотической ($n = 172$) и национальной ($n = 118$) проблематикой (табл. 5).

Таблица 5. Количественные характеристики сетевых сообществ неочевидных акторов в регионах ресурсного типа Сибири

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ	Итого
Гендерные	19	29	31	18	13	31	26	10	18	195
Молодежные	12	19	19	35	19	23	24	7	18	176
Патриотические	17	30	22	23	27	16	17	7	13	172
Национальные	14	8	15	32	9	6	14	3	17	118

Примечание. Гендерные – сообщества, связанные с гендерной проблематикой; молодежные – сообщества, связанные с молодежной проблематикой; патриотические – сообщества, связанные с патриотической проблематикой; национальные – сообщества, связанные с национальной проблематикой.

Наибольшую представленность по итогам анализа данные «неочевидные» акторы получили в Ханты-Мансийском автономном округе и Кемеровской области. Для первого региона неочевидность влияния на социально-политическую мобилизацию оказывают гендерные и патриотические группы акторов и тематики коммуникации, а для Кузбасса – молодежные и национальные. Наличие большого количества приведенных типов неочевидных акторов в Кемеровской области может быть объяснено наличием эффективно выстроенной системы работы молодежной политики региона, а также наличием большого числа национальных меньшинств (в области проживает более 120 этносов), проявляющих разную степень социально-политической активности и мобилизации (что может стать дальнейшим вектором исследовательского интереса). Своеобразным «антилидером» активности и мобилизации «неочевидных» акторов является Республика Хакасия, в которой все типы представлены в минимальном количестве по сравнению с другими анализируемыми регионами Сибири.

Топологический анализ цифровых сообществ в регионах Сибири демонстрирует их растущую значимость. Например, женские группы, такие как «Мамы Тюмени» или «Комитет солдатских жен Юрги», становятся важными узлами сетевого взаимодействия. Сравнительный граф популярных сообществ «ВКонтакте» в Кемеровской области – Кузбассе и Тюменской области за 2023 г. выявил устойчивые коммуникативные связи между женскими сообществами двух регионов, которые функционируют параллельно официальным каналам обмена мнениями. Поводом для формирования таких сетей стала тема специальной военной операции.

Включенность участников СВО в патриотическую повестку проявляется в сочетании символических, виртуальных и физических форм взаимодей-

ствия. Присутствие участников СВО в сетевых сообществах формирует устойчивые каналы для обсуждения вопросов лояльности, поддержки и гражданской позиции.

Молодежь, несмотря на статус опекаемой и контролируемой группы, демонстрирует динамику самоорганизации и активности в рамках молодежных сетевых сообществ. Виртуальные платформы и сетевые сообщества в данном случае служат инструментами самоорганизации и продвижения инициатив, способствуя интеграции молодежи в процессы регионального развития.

Активность национальных и этнических сообществ в Сибири обусловлена многообразием культур и традиций. Несмотря на преимущественное использование русского языка в сетевых коммуникациях, эти группы сохраняют элементы национальной идентичности, транслируя их через цифровые площадки, мероприятия и символические практики. Такая поликультурность способствует сохранению этнокультурного наследия, снижению межнациональной напряженности и формированию пространства для диалога. При этом этнические группы не только представляют культурные интересы, но и участвуют в решении актуальных социальных проблем.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает актуальность исследования сетевых взаимодействий в регионах ресурсного типа Сибири. Значимость изучения региональных сибирских сообществ ресурсного типа заключается в практико ориентированной ценности анализа и построения диалога с региональными сетевыми сообществами в условиях новой социальной реальности, трансформации трендов социально-политического взаимодействия, параллельного встраивания цифровой модели взаимодействия населения и власти, взаимодополнении онлайн- и офлайн-коммуникации.

Наиболее развитыми на данном этапе в региональном сетевом взаимодействии являются сообщества органов государственной и региональной власти в силу обязательности их присутствия в цифровом пространстве, но для полноценного диалога с населением этого недостаточно. Они во многом выполняют информирующую функцию, но не являются «ядерными» в сетевом взаимодействии. Дальнейшей перспективой исследований является изучение гендерных, национальных, молодежных региональных сетевых сообществ. Сейчас наибольшую представленность в лице «неочевидных» акторов взаимодействия демонстрируют регионы с очень высокой и высокой ресурсной зависимостью (Ханты-Мансийский автономный округ, Кемеровская область), что является результатом сложившихся реальных формальных и неформальных сетей взаимодействия. Выявленная асимметричность в уровне представленности сетевых сообществ в разных регионах Сибири показывает необходимость дальнейшего углубленного анализа топологической структуры сетевой социально-политической коммуникации, поиска возможностей ее развития.

Список источников

1. Левин С.Н., Кранзеева Е.А., Саблин К.С. Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 4. С. 106–127. doi: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127. EDN FNKZLN

2. Dover Y., Kelman G. Emergence of online communities: Empirical evidence and theory // *PLoS One*. 2018. Vol. 13 (11). doi: 10.1371/journal.pone.0205167
3. Lee Yj. Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? // *Int. Rev. Public Nonprofit Mark.* 2022. Vol. 19. P. 167–189. doi: 10.1007/s12208-021-00300-8
4. Bokányi E., Heemskerck E.M., Takes F.W. The anatomy of a population-scale social network. 2023. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-36324-9?fromPaywallRec=false#Sec8> (accessed: 15.12.2024).
5. Градосельская Г.В., Щеглова Т.Е., Карпов И.А. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. // *Вопросы кибербезопасности*. 2019. № 4 (32). С. 94–104. doi: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104
6. Крытановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // *Цифровая социология*. 2018. № 1. С. 4–8. doi: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
7. Ким А.В. Качественный сетевой анализ на практике: сравнение способов построения сетевых карт // *Социология*: 4М. 2023. № 56. С. 113–142.
8. Барышев А.А., Кашпур В.В., Барышев Г.А. Взаимоотношения сетевой и дискурсивной структуры сообществ экологистов и вакцинистов в социальной сети «ВКонтакте» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 78. С. 129–145. doi: 10.17223/1998863X/78/11
9. Щекотин Е.В. Тематический анализ контента в сообществах правых радикалов в социальной сети ВКонтакте // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3, № 4. С. 395–403. doi: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-395-403
10. Ткач С., Воробьева П.Д., Русакова М.М. Опыт реализации дискурс-анализа и концептуального картирования сообществ здорового питания // *Социология*: 4М. 2023. № 56. С. 143–172.
11. Семенова Ю.А. Модель виртуального сетевого сообщества // *Евразийский союз ученых*. 2020. № 5–10 (74). С. 63–68. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.10.74.803.
12. Матвеева И.Ю., Лободенко Л.К. Городские сетевые сообщества: анализ информационной повестки дня и вовлеченности аудитории // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. № 2. С. 310–332.
13. Черныш М.Ф. Социальные сети и неравенство // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 2. С. 4–15. doi: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1
14. Голуб О.Ю., Сергеева Е.В. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 257–263. doi: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263
15. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 10. С. 163–169. doi: 10.34823/SGZ.2024.10.52059
16. Ластовкина Д.А. Сетевые взаимодействия в рамках регионального сообщества // *Society and Security Insights*. 2021. № 1. С. 122–139. doi: 10.14258/ssi(2021)1-09
17. Кирка А.В. Социально-сетевые сообщества – новый уровень политических коммуникаций // *Вестник ГУУ*. 2012. № 4. С. 47–51.
18. Law J., Mol A. Situating technoscience: an inquiry into spatialities // *Environment and planning D: society and space*. 2001. Vol. 5. P. 615.
19. *Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления“ и статью 10 Федерального закона „Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации“»*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163> (дата обращения: 09.11.2024).

References

1. Levin, S., Kranzeeva, E. & Sablin, K. (2021) Sub"ekty kvazipublichnogo vzaimodeystviya v regione resursnogo tipa: vzglyad iznutri [Stakeholders of Quasi-Public Interactions in a Resource-Abundant Region: An Insiders' Perspective]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 30(4). pp. 106–127. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127
2. Dover, Y. & Kelman, G. (2018) Emergence of online communities: Empirical evidence and theory. *PLoS ONE*. 13(11). DOI: 10.1371/journal.pone.0205167
3. Lee, Yj. (2022) Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? *Int Rev Public Nonprofit Mark*. 19. pp. 167–189. DOI: 10.1007/s12208-021-00300-8

4. Bokányi, E., Heemskerk, E.M. & Takes, F.W. (2023) *The anatomy of a population-scale social network*. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-36324-9?fromPaywallRec=false#Sec8> (Accessed: 15th December 2024).
5. Gradoselskaya, G.V., Scheglova, T.E. & Karpov, I.A. (2019) Kartirovanie politicheskii aktivnykh grupp v Feysbuke: dinamika 2013–2018 gg. [Mapping of Politically active Groups on Facebook: Dynamics of 2013–2018]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 4(32). pp. 94–104. DOI: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104
6. Kryshchanovskaya, O.V. (2018) Beskontaktnaya sotsiologiya: novye formy issledovaniy v tsifrovuyu epokhu [Contactless sociology: New forms of research in a digital age]. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 1. pp. 4–9. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
7. Kim, A.V. (2024) Kachestvennyy setevoy analiz na praktike: sravnenie sposobov postroeniya setevykh kart [Qualitative social network analysis in practice: Comparison of methods for network maps construction]. *Sotsiologiya: 4M*. 56. pp. 113–142.
8. Baryshev, A.A., Kashpur, V.V. & Baryshev, G.A. (2024) Relationship of the network and discourse structure of communities of ecologists and vaccinationists on the social network VKontakte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 129–145. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/78/11
9. Shchekotin, E.V. (2024) Tematicheskii analiz kontenta v soobshchestvakh pravyykh radikalov v sotsial'noy seti VKontakte [Thematic Content Analysis of Right-Wing Radical Communities in Social Media]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. 3(4). pp. 395–403. DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-395-403
10. Tkach S., Vorobyova P. D. & Rusakova M. M. (2024) Opyt realizatsii diskurs-analiza i kontseptual'nogo kartirovaniya soobshchestv zdorovogo pitaniya [Experience of implementing discourse analysis and conceptual mapping of healthy eating communities]. *Sotsiologiya: 4M*. 56. pp. 143–172.
11. Semenova, Yu.A. (2020) Model' virtual'nogo setevogo soobshchestva [Model of a virtual network community]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh*. 5–10(74). pp. 63–68. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335
12. Matveeva, I.Yu. & Lobodenko, L.K. (2023) Gorodskie setevye soobshchestva: analiz informatsionnoy povestki dnya i вовлеченности аудитории [Urban Network Communities: Analysis of the Information Agenda and User Engagement]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 12(2). pp. 310–332.
13. Chernysh, M.F. (2022) Sotsial'nye seti i neravenstvo [Social networks and inequality]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 8(2). pp. 4–15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1
14. Golub, O.Y. & Sergeeva, E.V. (2020) Krizisnaya kommunikatsiya vlasti i obshchestva v sotsial'nykh media: opredelenie problemnykh zon [Crisis Communication of Power and Society in Social Media: Identification of Problem Zones]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Sotsiologiya. Politologiya*. 20(3). pp. 257–263. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263>
15. Mikhaylenok, O.M. & Malysheva, G.A. (2024) Setevye onlayn-kommunikatsii i sotsiokul'turnye trendy v sovremennoy Rossii: dinamika v kontekste SVO [Online network communications and sociocultural trends in contemporary Russia: Dynamics in the context of the SMO]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 10. pp. 163–169. DOI: 10.34823/SGZ.2024.10.52059
16. Lastovkina, D.A. (2021) Setevye vzaimodeystviya v ramkakh regional'nogo soobshchestva [Network interactions within a regional community]. *Society and Security Insights*. 1. pp. 122–139. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-09
17. Kirka, A.V. (2012) Sotsial'no-setevye soobshchestva – novyy uroven' politicheskikh kommunikatsiy [Social network communities – a new level of political communications]. *Vestnik GUU*. 4. pp. 47–51.
18. Law, J. & Mol, A. (2001) Situating technoscience: an inquiry into spatialities. *Environment and Planning D: Society and Space*. 5. pp. 615.
19. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon ot 14 iyulya 2022 g. № 270-FZ, O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya" i stat'ya 10 Federal'nogo zakona "Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law of 14 July 2022 No. 270-FZ, On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” and Article 10 of the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation”]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163> (Accessed: 9th November 2024).

Сведения об авторах:

Кранзеева Е.А. – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Бурмакина А.Л. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

Брандт Я.А. – младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: yan.brand@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kranzeeva E.A. – Dr. Sci. (Sociology), head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Burmakina A.L. – Cand. Sci. (Sociology), senior lecturer at the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

Brandt Ya.A. – junior researcher, Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yan.brand@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 27.12.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025*